

ДМИТРИЙ ГНАТЮК:

«НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ...»

Когда на митинге, посвященном открытию III-го республиканского фестиваля искусства «Белая акация», к микрофону подошел Дмитрий Гнатюк, театральная площадь взорвалась аплодисментами. «От Москвы до самых до окраин», — полпыл над площадью красивый, пластичный и теплый голос певца. Бесконечно знакомый и каждый раз по-новому пронзающий в душу, он был сейчас согрет таким большим внутренним пафосом, такой щедростью и добротой, что, не сговариваясь, в едином порыве, площадь перед оперным театром подхватила припев знакомой песни. Казалось, весь город, следуя за певцом, славит чистое небо, мирное солнце и Человека, который «проходит как хозяин, необъятной Родины своей».

Поет Дмитрий Гнатюк! Поет народный артист Советского Союза, первоклассный оперный артист, в репертуаре которого более сорока сложнейших партий, классических и современных. Поет выдающийся камерный певец и популярнейший исполнитель украинских народных песен и песен советских композиторов. Ему аплодировали зрители суровой Исландии и жаркой Африки, Италии, Франции, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Соединенных Штатов Америки, Канады. Он талантливый музыкальный режиссер, и поставленные им оперы «Князь Игорь» А. Бородина, «Тихий Дон» И. Дзержинского, «Запорожец за Дунаем» С. Гулака-Артемовского с успехом

идут на сцене Киевского академического театра оперы и балета.

Дмитрий Гнатюк — активный государственный и общественный деятель. Он депутат Верховного Совета СССР, член Советского комитета защиты мира, награжденный медалью «Борцу за мир», член президиума УТО, директор Киевского академического театра оперы и балета, и в каждое дело он вкладывает весь пыл своей души. Концертные программы Дмитрия Гнатюка 1975—1977 годов отмечены Государственной премией Союза ССР, а за проникновенное исполнение украинских народных песен и романсовой лирики он удостоен Государственной премии Украинской ССР им. Т. Г. Шевченко. Певец постоянно в творческом поиске, всегда на пределе эмоционального напряжения, всегда в бурном водовороте жизни, вместе с людьми, с народом. Он одинаково волнуется, выступая в огромном концертном зале за рубежом и на подмостках колхозного клуба, на импровизированной площадке в заводском цехе или на полевом стане, исполняя оперные арии, романсы и народные песни перед металлургами Запорожья, шахтерами Донбасса, строителями Байкало-Амурской магистрали.

А сейчас он здесь, в Одессе, участник яркого многонационального фестиваля искусств, проходящего под девизом «Славься, Отечество наше свободное!».

— Не боитесь протудить связи? — спрашиваю его. Мы сидим в гримерной Одесского оперного театра и, отвечая на мои вопросы, Дмитрий Михайлович чутко прислушивается к внутреннему радио. Скоро ему выходить на сцену, где идет концерт мастеров искусств.

— Не боюсь ли протудить-ся? О, нет! Во-первых, мне часто приходится выступать на открытом воздухе, а во-вторых, Одесса — это тот город, который дал мне здоровье на всю жизнь. Дело в том, что, когда я был студентом Киевской консерватории, меня свалил тяжелый недуг — болезнь бронхов. «Одесса! Вот что может вас вылечить», — сказали врачи — и я уехал. Жил в общежитии Одесской консерватории и все дни проводил у моря. С тех пор я сердцем на всю жизнь привязался к вашему удивительному городу, к его добрым, искренним людям, к романтике моря...

— Что вы думаете о фестивале «Белая акация»?

— Думаю, что мне выпала большая честь участвовать в этом фестивале, где меня окружают мои коллеги из разных республик, прославленные мастера советского искусства. Воистину, это праздник дружбы, объединенный музыкой, песней, танцами, являющимися таланты нашего народа. И то, что этот фестиваль проходит в Одессе, придает ему особое очарование — прохлада парков, на сценах которых мы тоже выступаем, красота одесских улиц и воспетых бульваров, и всюду — горячий сердечный прием и теплый одесский юмор. И, несмотря на то, что я был в этом году участником еще трех фестивалей («Красноярск», «Вольнская весна» и памяти М. Глинки на Смоленщине), этот фестиваль оставит в сердце ощущение праздничной приподнятости и незабываемых встреч с одесским зрителем — рабочими, колхозниками, студентами — ценителями классического и народного музыкального искусства. Поэтому я специально для «Белой акации» приготовил две новые песни: «Не

бійся свини моєї» (А. Биляш на слова Д. Павличко) и композитора Платона Майбороды «Я до тебе, матусю, у пісні їду». Все мои концерты сопровождается ансамбль Киевской филармонии, который под руководством А. Осадчего звучит с особой мелодичностью и певучестью.

— Вероятно, трудно, Дмитрий Михайлович, переоценить значение каждой вашей поездки за рубеж, ведь любой концерт — это пропаганда советской музыкальной культуры и украинской, в частности. А зритель ведь тоже не одинаковый — разная эстетическая подготовка, привычка к своей национальной вокальной школе (Япония, Африка, например), языковой барьер. А между тем, зарубежные газеты буквально любой из стран, где вы пели, с восхищением отзывались о ваших выступлениях. Чем вы это объясняете?

— Я глубоко убежден в том, что музыка, песня не знают барьеров, препон, если слушатель чувствует, что артист поет сердцем, целиком отдавая концертному залу всю силу и страсть своей души, свою гражданственность художника. До сих пор звучит в ушах горланное африканское «браво». Не забыть концертов в Канаде. Я пел украинские песни и все время слышал тихий плач. А когда исполнил песни «Русничок» и «Два кольори», зал плакал уже не сдерживаясь. У выхода меня поджидали те, кто был на концерте и те, кто билета не достал. Я шел к машине, а меня осаждали вопросы о Советской Украине, о Киеве. Какое трагичное и жалкое впечатление производит человек, лишенный самого дорогого — Родины!.

Так случилось, что я был первым советским артистом, приехавшим на гастроли в Австралию. Помню, мой переводчик пошел оформлять документы, а я остался на аэродроме, осаждаемый корреспондентами, и не знал языка, не мог отвечать на их вопросы. И тогда я зашел. Потом газеты писали: «Советский певец дал лучшее в мире интервью!». Гастроли по

Австралии прошли с триумфом. Чем больше едешь за границу, чем больше встречаешься с людьми, тем острее чувствуешь их взаимную тягу к дружбе, к общению, к проявлению человеческой теплоты, поддержки. В Японии каждую песню о матерях приходилось бисировать — слово «мама» священно, оно не нуждается в переводе.

Вы сказали, что каждое выступление советского артиста за рубежом есть пропаганда нашей культуры, нашего образа жизни. Это верно, конечно, но я, если быть откровенным, больше люблю гастроли по нашей стране. Мои учителя В. С. Василько и И. С. Паторжинский приучили быть одинаково внутренне собранным на любой встрече со зрителями, будь то итальянский театр Ла-Скала или клуб родного буковинского села Новоселки.

— Дмитрий Михайлович, как-то, Вл. И. Немирович-Данченко сказал, что «лирика и романтизм в украинском театре идут не от романтизма, а от народных истоков». Именно глубинных народных истоков, от неисчерпаемых богатств ук-

раинской песни и национально-театральных традиций. Не кажется ли вам, что ваша исполнительская манера берет свое начало в родном буковинском селе, которое вы назвали, а бедной крестьянской семье в далекие двадцатые годы?

— Безусловно! Всем хорошим, что есть во мне, и прежде всего, честным служением своему делу, я обязан родителям. Отец учил: «Чтобы стать профессором (он имел в виду грамотным человеком), надо учиться пятнадцать лет, а чтобы быть человеком — всю жизнь». А вот мамин завет: «Если ты сделал добро, забудь об этом и никогда ничего не требуй взамен». Так и стараюсь. В большой семье моего отца песня была единственной отрадой. Но пели ее со шменящей грустью и вполголоса, так как по всей Буковине, находившейся под гнетом румынских бояр, на украинское слово, а тем более украинскую песню был наложен строжайший запрет. Только высоко в горах, где мы с отцом пасли панские отары, я давал волю своему мальчишескому альту. И лишь с осени 1940 года, когда Северная Буковина воссоединилась с Советской Украиной, я стал петь, не страшась наказания.

От школьных концертов, работа в сельских клубах и в библиотеках, организуя колхоз в родном селе, трудясь на Уральском заводе, в огненном мартовском цехе, а затем в Черновицком театре имени Ольги Кобылянской, — всюду песня, усвоенная от матери с раннего детства, была моей спутницей и радостью. А однажды Василий Степанович Василько, главный режиссер Черновицкого театра, сказал: «Нашему Дмитрию тесно на драматической сцене, его призвание — большой оперный театр». Так в 1946 году я был принят в Киевскую консерваторию в класс народного артиста СССР, профессора Ивана Сергеевича Паторжинского, а затем на киевскую оперную сцену. Онегин, Алеко, Мазепа, Эскамилло, Риголетто, Демон... Но сердцу по-прежнему мила украинская классическая опера: более тридцати лет пел я Миколу в «Наталке-Полтавке», Остапа — в «Тарасе Бульбе», «Троянца» Энея в «Энеиде».

А среди самых дорогих — партия Игоря в опере Бородина «Князь Игорь». Эту партию я юю много лет, пел и на сцене Большого театра Союза ССР, и на сцене Высшаденского театра (ФРГ). И не случайно в 1975 году, окончив режиссерский факультет Киевского театрального института, я дебютировал на родной киевской сцене новой постановкой «Князя Игоря».

— Ваши дальнейшие творческие планы связаны с музыкальной режиссурой? Точнее, с новаторством в этой области?

— Да, я ведь и «Князя Игоря» поставил, нарушив староперные установившиеся каноны; значительно подвинул ритм, разработал не только волевое, героическое начало, а и лирическую теплоту и нежность в сценах Ярославны. Мне кажется, что опера, не потеряв своей масштабности и философской сути, стала доступнее для восприятия любого зрителя. Я рад, что первый, поставил вторую оперу И. Дзержинского «Тихий Дон». Она, по моему, по музыкальной драматургии интереснее первой. Семь лет идет эта опера на нашей сцене, актеры любят ее, с удовольствием поют свои партии. Счастливая сценическая судьба и у знаменитого «Запорожца за Дунаем», который поставлен мной в героико-романтическом плане.

— Ну, а как же с концертной деятельностью? С романсами с любимой украинской песней?

— А это — па всю оставшуюся жизнь.

Интервью взяла
М. КАМЕНЕЦКАЯ,
режиссер.

ЗНАНИЯ КОММУНИЗМА
г. Одесса

8 ИЮНЬ 1983